

≈ 78 мин

Под вынесенным в заголовок статьи лозунгом западногерманских бунтующих студентов, популярном в 1967—1969 гг., Ульрика Майнхоф могла бы подписаться обеими руками: это был её лозунг. Женщина-легенда антифашистской борьбы, человек, сознательно отказавшийся (по примеру Че Гевары) от благополучной жизни «самого блестящего журналиста Германии» и ушедший в подполье, чтобы отдать жизнь за свои идеалы, — Ульрика Майнхоф проделала именно такой путь: от неприятия фашизма, войны и насилия в сочетании с наивной верой в «демократизм» капиталистического государства к пониманию, что это государство — криптофашистское, что оно носит в себе фашизм (просто до тех пор, пока в этом нет нужды, оно не выпускает фашизм наружу).

ЖИЗНЬ ЛЕГЕНДЫ: ДО ЛЕГЕНДЫ

Будущий блестящий публицист и пропагандист, организатор внепарламентской оппозиции и политический мыслитель, а затем — один из лидеров «Роте Армее Фракцион» (РАФ), Ульрика Мария Майнхоф родилась в нацистской Германии, в Ольденбурге, 7 октября 1934 г. в семье доктора искусствоведения Вернера Майнхофа. В 1936 г. отец маленькой Ульрики получит должность директора городского музея в Йене — и семья переедет туда. В Йене пройдёт детство Ульрики, там семья переживёт войну и крах гитлеризма. Но еще раньше, в 1939 г. Вернер Майнхоф умрёт, материальное положение семьи пошатнётся.

В 1946 г. семья Майнхоф вынуждена будет уехать из Йены в Ольденбург: в разрушенной войной Германии поддержка родственников — обстоятельство немаловажное, а родственники живут в Ольденбурге. Йена находилась в

советской зоне оккупации, а Ольденбург — в западной. Так Ульрика оказалась в ФРГ.

В Ольденбурге жизнь налаживается: в городе семью Майнхоф хорошо знают, мать Ульрики, доктор искусствоведения (что само по себе не частое явление в то время) Ингеборг Майнхоф пользуется уважением. Учиться в гимназии Ульрике несложно: у неё блестящие способности, к тому же и старшая сестра всегда поможет. Но в 1948 г. сестёр постигает новый удар: Ингеборг Майнхоф умирает.

Опеку над сестрами оформляет тетка, профессор Рената Римек, довольно известный историк, педагог и христианский публицист. Р. Римек — убежденная пацифистка, позже она станет одним из основателей пацифистской партии «Немецкий союз мира». Ульрика многим обязана опекунке: та передаст ей свой антифашизм, твердый демократизм и ненависть к насилию. Под воздействием христианско-пацифистских взглядов Р. Римек Ульрика даже вступит в «Братство святого Михаила», будет готовиться к тому, чтобы стать монахиней и посвятить свою жизнь помощи страждущим в зонах военных конфликтов. Р. Римек передаст также Ульрике и ни на чем не основанную веру в «справедливое демократическое устройство» ФРГ, в ее «чудесную пацифистскую конституцию». Но Ульрика окажется достойным учеником профессора-пацифиста: все положения, вложенные ей в голову теткой, Майнхоф додумает *до конца* — и преодолеет иллюзии.

В 1952 г. Ульрика вновь переезжает — на этот раз в Вейльбург, где Р. Римек получает должность профессора в педагогическом институте. Переезд из

довольно крупного Ольденбурга, с прогрессивного и интеллектуально активного Севера в маленький заштатный Вейльбург в земле Гессен превращает Ульрику в местную гимназическую достопримечательность, она быстро становится членом школьного совета, находит себя в общественной деятельности, вырабатывает привычку иметь собственное мнение и защищать его в открытой полемике.

В 1955 г. Ульрика сдает экзамены на аттестат зрелости и уезжает в Марбург, где в университете приступает к изучению философии, социологии, педагогики и германистики. К тому времени происходит много событий, оказавших сильное влияние на умонастроения будущей городской партизанки: правительство Аденауэра отклоняет сначала предложение ГДР о создании общегерманского совета, который выработал бы условия объединения Германии, а затем и предложения Москвы об объединении Германии и проведении свободных всегерманских выборов при условии нейтралитета страны и отказа от ремилитаризации; правительство запрещает проведение референдума по вопросу о ремилитаризации ФРГ; в нарушение собственной конституции ФРГ вступает в НАТО; власть начинает «чистку» государственных учреждений от антифашистски настроенных кадров, запрещает Объединение лиц, преследовавшихся при нацизме и, испугавшись того, что Компартия Германии прошла в парламент, запускает процедуру судебного запрета КПГ. Но Майнхоф все еще наивно верит, что конституционный строй ФРГ хороший, а просто к власти «случайно» пришли «не те» люди — милитаристы и бывшие фашисты.

Марбург — старый университетский город в той же земле Гессен, совсем недалеко от «дома», от Вейльбурга (Франкфурт, конечно, крупнее, но и дальше,

и ехать неудобно), там учится много «своих», вейльбургских, но уж очень затхлой, провинциальной оказывается атмосфера в этом городе — и в зимний семестр 1957 г. Ульрика переходит в Мюнстерский университет. Мюнстер — это Северный Рейн—Вестфалия, близость к промышленному сердцу ФРГ — рабочему Руру, это, наконец, «город с прошлым» — город знаменитой Мюнстерской коммуны.

К тому времени вновь происходят некоторые события, которые заставляют Ульрику искать более свободлюбивую среду и такую арену, где она может почувствовать себя полезной для общества: вразрез с «пацифистской» конституцией ФРГ боннское правительство вводит всеобщую воинскую обязанность и устами федерального министра Генриха фон Brentano провозглашает ФРГ «единственным государством немцев», закрывая двери мирному урегулированию «германского вопроса» и отказывая ГДР в праве на существование (а то, что ГДР уже *существует*, это, оказывается, неважно); страна начинает лихорадочно вооружаться; Конституционный суд запрещает КПГ, а чиновники быстро подгоняют под этот запрет целую кучу антифашистских организаций как якобы «дочерние структуры КПГ».

В Мюнстере Ульрика находит единомышленников. Она становится спикером университетского «Комитета против ядерной смерти», который основан местным отделением Социалистического союза немецких студентов (ССНС), студенческой организации Социал-демократической партии Германии (СДПГ). В следующем, 1958 г. Ульрика вступает в ряды ССНС, тогда еще — совсем не большой и совсем не знаменитой организации.

ССНС был удивительным союзом, сыгравшим огромную роль в студенческом, левом и антивоенном движении в ФРГ. Созданный СДПГ в 1947 г., он со второй половины 50-х становился все радикальнее и радикальнее, отказываясь следовать в фарватере соглашательской политики руководства СДПГ, озабоченного, кажется, одним-единственным вопросом: как бы включиться в истеблишмент. До конца 1959 г., то есть до принятия СДПГ новой, куда более правой, чем раньше, Годесбергской программы, отношения СДПГ со своей непокорной студенческой организацией были хотя и не простые, но более или менее корректные. Но в 1960 г. бунтарей из ССНС «взрослые» социал-демократы лишили финансирования, а затем и вовсе отлучили от партии. В 1961 г. СДПГ объявляет недопустимым одновременное членство в партии и ССНС и создает взамен ССНС новый студенческий союз — Социал-демократический союз студентов высших школ ФРГ (СХБ), куда откочевали лояльные партруководству и жадные до партийных денег кадры (правда, с конца 60-х и СХБ стал резко леветь; чтобы удержать СХБ под контролем, СДПГ приходилось даже принудительно менять руководство союза). ССНС становится независимым от социал-демократов и сразу обращает на себя внимание программным документом «Высшая школа и демократия», в котором выбрасывает лозунги «тройного паритета» (в управлении высшей школой — то есть равноправия администрации, преподавателей и студентов) и отмены института «наставничества», по сути средневекового и унижительного для учащихся. Эти требования почти сразу подхватывают практически все студенческие организации ФРГ.

С этого периода ССНС становится авангардной организацией студенческого движения страны и основным объектом травли правых СМИ. Официально

состоять в ССНС в 60-е — признак немалого мужества, на это идут только самые отчаянные. Поэтому даже в конце 60-х — в момент расцвета ССНС — формальная численность союза не превышает 3 тысяч человек. Однако в действительности ССНС в этот период охватывает своим влиянием тысяч 30.

Именно с 1958 г. начинается активная деятельность У. Майнхоф как политического бойца, политического журналиста, политического мыслителя. Она пишет множество статей сразу для многих студенческих газет — статей, посвященных проблемам ядерного оружия вообще и ядерного вооружения в частности, она организует манифестации за мир, она инициирует сборы подписей. В этот период Р. Римек еще гордится своей подопечной.

И когда 25 марта 1958 г. бундестаг принимает решение о ядерном вооружении ФРГ, Ульрика разворачивает бешеную активность: она становится одним из организаторов студенческой кампании протеста, она агитирует за проведение референдума по ядерному вооружению. Она все еще наивно верит в верховенство закона (в частности конституции), она все еще не понимает, что конституция — это всего лишь бумага, которую буржуазия соблюдает лишь до того момента, пока это не начинает противоречить классовым интересам буржуазии.

Усилия Ульрики вроде бы оказываются не напрасными: в мае 1958 г. в 11 германских университетах проходят мощные демонстрации протеста. Студенты становятся примером — и крупнейшие антиядерные демонстрации заливают улицы одного города ФРГ за другим. Начинается цепная реакция в земельных парламентах (ландтагах): на обсуждение выносится вопрос о проведении

референдума о ядерном вооружении. Гамбург и Бремен уже принимают решение о проведении таких референдумов. Социологические опросы говорят: 80 % населения против ядерного оружия. И тут истеблишмент наглядно показывает Ульрике, как на самом деле выглядит «немецкое демократическое государство»: на проведение референдума накладывается запрет.

Ульрика не сразу понимает смысл произошедшего. Еще некоторое время она будет — вместе с товарищами — продолжать борьбу против ядерного вооружения, отказываясь признавать, что гражданские права, зафиксированные в конституции — это условность и что боннское государство не собирается свою конституцию соблюдать. Но зато на пресс-конференции противников ядерного оружия она познакомится с Клаусом Райнером Рёлем, издателем гамбургского журнала ССНС «Конкрет». С 1959 г. Ульрика надолго свяжет свою судьбу с Рёлем и с «Конкретом», в 1960 г. она станет главным редактором «Конкрета», а 27 декабря 1961 г. выйдет замуж за Рёля (21 сентября 1962 г. у них родится двойня: Беттина и Регина).

Подобно тому, как ССНС был уникальной организацией, «Конкрет» был уникальным изданием. Он был основан в 1955 г. Рёлем как местный социал-демократический студенческий бюллетень и назывался первоначально «Заключительные прения» (имелись в виду заключительные прения сторон в судебном заседании). Потом бюллетень был переименован в «Студенческий курьер», а в октябре 1957 г. преобразован в ежемесячный журнал под названием «Конкрет» (строго говоря, «конкрет» — именно так, со строчной буквы, писалось везде в журнале его название, в соответствии со специально разработанным логотипом: для ФРГ образца 1957 г. это был вызывающе

авангардистский ход). «Конкрет» сознательно подчеркивает свой бунтарский имидж: огромный формат, демонстративно грубая бумага, «ненормальные» шрифты. Удивительно, что социал-демократическая бюрократия так долго — до 1959 г. — терпела эти «художества».

Впрочем, в конфликт с руководством СДПГ «Конкрет» вступил раньше, чем ССНС: на конгрессе студентов против ядерного оружия, проходившем в январе 1959 г. в Западном Берлине, группа «Конкрета», формально представлявшая ССНС, схлестнулась с официальными представителями СДПГ. И не только схлестнулась, но и победила: не в последнюю очередь под воздействием яростных выступлений У.Майнхоф в итоговую резолюцию конгресса были включены пункты с требованием переговоров с ГДР и с осуждением антикоммунизма эры Аденауэра. В ответ СДПГ исключает сотрудников «Конкрета» из ССНС.

«Конкрет» теряет финансовую поддержку СДПГ, уходит в «свободное плавание» — и расцветает. Именно в этот период, при редакторстве Майнхоф, журнал превращается в невиданное до того в ФРГ культурное явление. Его тираж вырастает до 200 тысяч экземпляров (что кажется просто невероятным для леворадикального издания), журнал буквально расхватывается студентами. СДПГ получает опасного критика слева — и не в последнюю очередь из-за «конкретовской» пропаганды ССНС левеет до такой степени, что 20 июня 1960 г. СДПГ оказывается вынуждена прервать с ним все отношения.

«Конкрет» под руководством У.Майнхоф ни в коем случае не был чисто студенческим изданием. Это был полновесный журнал, на страницах которого

яркие и талантливые публицисты — такие, каких не было у официальной прессы — обсуждали самые актуальные и животрепещущие вопросы современности, начиная с проблем НТР и сокрытия боннским бюрократическим аппаратом своего нацистского прошлого и кончая «сексуальной революцией» и голодом в «третьем мире». Клаус Райнер Рёль наряду с Петером Рюмкопфом печатали в журнале статьи о новейших достижениях мировой критической мысли — а на соседних полосах публиковалась проза Ханса Хенни Яанса и издевательская «Скотобойня лирики» Лесли Майера, знаменитые Арно Шмидт и Роберт Юнгк печатались вместе с никому тогда не известным репортером Гюнтером Вальрафом, будущей звездой западногерманской журналистики. Убойная литературная критика Йоханнеса Фонтара (никто тогда не знал, что это — псевдоним того же Рюмкопфа) соседствовала с саркастическими антиклерикальными памфлетами Карлхайнца Дешнера. Придет время — и на страницах «Конкрета» будут напечатаны «черная пантера» Рэп Браун и парижский бунтарь Даниель Кон-Бендит.

Позже буржуазные журналисты, стремясь как-то объяснить невероятный успех «Конкрета», изобретут версию о «восточноберлинских деньгах». Однако после гибели ГДР в архивах «штази» никаких документов о финансовой поддержке «Конкрета» не нашли. Наоборот, нашли документы, в которых выражалась обеспокоенность ростом влияния «экстремистского левацкого журнала», критиковавшего «советский опыт» и «правильную» Германскую компартию — и содержалась рекомендация начать кампанию против «Конкрета» и навесить на него ярлык «анархизма».

Самая первая статья Майнхоф в «Конкрете», появившаяся в апреле 1959 г.,

называлась «Мир творит историю». Уже в этой статье Ульрика обратилась — хотя и вскользь — к теме, которую потом разрабатывала более подробно и плодотворно: теме невыносимой затхлости, чудовищной провинциальности, крайней мещанской ограниченности духовной атмосферы аденауэровской Западной Германии. Советский Союз запустил на Луну ракету — и оставил там вымпел, первый земной артефакт, Хрущев поехал в США, где предложил программу всеобщего ядерного разоружения, Великобритания выдвинула трехэтапный план по разоружению, мир устал от «холодной войны» и хочет с ней покончить, писала Ульрика, а политики в Бонне все сидят в своем прирейнском болоте и испуганно квакают: ах, как бы они там не договорились о разоружении, как бы через нашу голову не признали эту ужасную ГДР...

Майнхоф становится не только редактором, но и колумнистом «Конкрета». Практически каждый номер будет впредь открываться ее колонкой. Вместе со своими товарищами по редакции Ульрика возродит в ФРГ то, что в убогой мещанской «Аденауэрляндии» казалось давно забытым и неосуществимым: боевую, острую, наступательную блестящую левую журналистику времен Веймарской республики. Ульрика и ее товарищи, назвав вещи своими именами и отказавшись играть по ханжеским боннским правилам (с которыми согласилась и СДПГ), в течение первой половины 60-х гг. просто-напросто изменили интеллектуальный ландшафт ФРГ, превратили огромную массу высокооплачиваемых официальных журналистов и титулованных академических экспертов в никому не нужный, никем не читаемый и ни на что не влияющий хлам. «Серьезная» буржуазная пресса и «серьезная» академическая наука со всеми своими деньгами, тиражами и техническими возможностями проиграли битву за умы молодежи веселому и боевому, можно

сказать, самиздатскому леворадикальному журналу. Тогда истеблишмент сделал ставку на бульварную прессу, на концерн Шпрингера. И вот тут-то оказалось, что это такой враг, которого «Конкрету» не одолеть...

Первая половина 60-х — это годы, когда известность Ульрики Майнхоф стремительно росла. Одна статья выходит за другой, радикальность позиции, меткость ударов и отточенность аргументации заставляют «большие СМИ» и госаппарат огрызаться, масло в костер славы Ульрики подливает знаменитый баварский реваншист, лидер Христианско-социального союза (ХСС) и в тот момент министр обороны ФРГ Франц-Йозеф Штраус, который подает на Майнхоф в суд. Ульрике без конца начинают заказывать комментарии и приглашать на TV. В одних передачах — у консерваторов — ее рассматривают как «обезьянку из политического зверинца»: дескать, сейчас мы вам покажем чудо — мало того что женщина, но еще и политическая журналистка, да еще и радикалка. В другие передачи — более либеральные — Ульрику приглашают как яркого представителя «альтернативной точки зрения» и чтобы поднять рейтинг передачи у молодежи — уже известно: раз участвует Майнхоф, молодежь будет смотреть. Ульрика приобретает славу «самого блестящего пера Западной Германии», на нее начинают сыпаться огромные гонорары. Похоже, ее пытаются приучить к такому образу жизни — и приручить. С другими это, может быть, и получилось бы. С ней — нет.

Непонятно, как она все успевает. Помимо редакторской деятельности и написания статей она тратит много сил на антиядерное движение, а затем и на борьбу против попыток правительства протащить чрезвычайное законодательство. Затем добавятся: кампания солидарности с Вьетнамом,

участие в разоблачении нацистского прошлого видных правительственных чиновников, хождения по судам, помощь группам, защищающим права женщин, иностранных рабочих, матерей-одиночек, бездомных детей...

В середине 60-х гг. позиция Ульрики Майнхоф становится все более и более радикальной. Иллюзии рассеиваются — и не у нее одной. Но Ульрика часто идет на шаг впереди остальных радикализирующихся левых. Она начинала писать в стране, где власть просто-напросто игнорировала мнение оппозиции, не вступала с ней в дискуссии. У. Майнхоф считала, что во имя сохранения «демократических конституционных принципов» нужно заставить власть наконец-то признать, что оппозиция существует, что с мнением оппозиции надо считаться или как минимум полемизировать. И власть заметила оппозицию — но вместо полемики обратилась к клевете. Ульрика хотела, чтобы оппозицию услышали — оппозицию услышали и натравили на нее «желтую» прессу Шпригнера. Раньше демонстрантов игнорировали — теперь перестали игнорировать: стали бить.

У. Майнхоф полагала, что достаточно обратиться к *разуму* граждан и донести до них *правдивую информацию*, чтобы граждане «проснулись» и начали себя вести как граждане. Она ошибалась. Прозрение приходит с практикой. А практика показала, что население ФРГ состояло в основном *не из граждан, а из жителей* (обывателей) — и провалы СДПГ на послевоенных выборах не были случайностью; бундесбюргер создан годами нацизма и никуда не исчез, бессмысленно апеллировать к его разуму, совести, гражданскому чувству: чувства у него *животные*, вместо разума — *common sense*, совесть он утратил при Гитлере. Шпрингеровская пресса зомбирует бундесбюргера — а он и сам

рад зомбированию. Истеблишмент убежден, что законы писаны не для него и, если надо, меняет их как хочет; право на насилие есть только у государства и правящих классов — и, естественно, они не согласны с тем, что у рядовых граждан есть право на сопротивление. В течение 1967—1968 гг. Майнхоф (и не одна она, и иногда позже, чем другие) понимает, что правила игры под названием «буржуазная представительная демократия» не предусматривают возможности выигрыша для настоящей оппозиции. Либо надо перестать быть подлинной оппозицией, а стать «оппозицией ее величества» (как это сделала СДПГ, вступив в коалицию со своим заклятым врагом ХДС/ХСС), либо надо смириться с ролью вечного неудачника-маргинала, либо надо перестать играть по правилам Системы.

Ульрика выбирает последнее. У Рёля не хватает смелости на такой же выбор, они расстаются. Весной 1968 г. Майнхоф переезжает из Гамбурга в Западный Берлин, начинает помимо журналистики преподавать в Институте публицистики Свободного университета, пишет телевизионную пьесу «Бамбула» для канала SWF.

Она уже готова к тому, что — несмотря ни на какие протесты — бундестаг примет чрезвычайное законодательство (что и случится 30 мая 1968 г.), к тому, что после этого созданная — в том числе и ее усилиями — внепарламентская оппозиция должна будет либо радикализироваться, либо распаться. В возбужденной, нервной атмосфере «молодежной революции» 1968 г., атмосфере бесконечных митингов, демонстраций, забастовок, дискуссий Майнхоф — одна из немногих — понимает, что после весенне-летнего революционного пика противник перехватывает инициативу: восстания в

негритянских гетто в США жестоко подавлены; полиция зверствует в Чикаго и по всей Америке; «Красный май» так и не привел к революции во Франции; внепарламентская оппозиция в ФРГ растеряна и деморализована; американцы смогли удержать в своих руках Сайгон; студенческие выступления в Испании подавлены, а в Мексике — просто расстреляны; «студенческая революция» в Бельгии успешно канализована властью в реформаторское русло — в создание бутафорских «свободных собраний»; «Пражская весна» раздавлена гусеницами советских танков*; студенческие выступления в Польше повлекли за собой правительственную кампанию антисемитизма... Надо было торопиться — и она торопится: пишет много, нервно и жёстко, готовясь к разрыву с «Конкретом» (что и случится в апреле 1969 г.), торопится поскорее закончить съёмки «Бамбулы» (фильм завершён в феврале 1970 г.).

ЖИЗНЬ ЛЕГЕНДЫ: ЛЕГЕНДА

14 марта 1970 г. начинается последний — героический — период жизни Ульрики Марии Майнхоф. В этот день в Западном Берлине она проводит вооружённое освобождение из-под стражи Андреаса Баадера, осуждённого за 3 года за поджог универмага во Франкфурте-на-Майне. С этого момента У. Майнхоф уходит в подполье и становится одним из руководителей РАФ.

Ей придётся научиться жить в постоянном напряжении — в ожидании провала, научиться менять внешность, делать бомбы, подпольно печатать коммюнике и листовки, постоянно менять конспиративные квартиры, угонять автомобили, грабить банки, тренировать память (чтобы держать в голове явки, пароли, телефоны), спорить шёпотом. У. Майнхоф становится основным теоретиком РАФ (но тексты этого периода — за пределами изданного «Гилеей» сборника).

Следующие два года — вплоть до 15 июня 1972 г. — У. Майнхоф непосредственно руководит РАФ. У РАФ было коллективное руководство — в соответствии с установкой на «антиавторитаризм» обязанности распределялись по принципу «кто что умеет и может», но в реальности руководителями были самые активные, самые умные и те, кто пользовался наибольшим моральным авторитетом в организации. Таких в «первом поколении» РАФ было шестеро: Ульрика Майнхоф, Андреас Баадер, Гудрун Энслин, Ян-Карл Распе, Хольгер Майнс и Хорст Малер. Немецкая бульварная пресса, выполняя социальный заказ по дискредитации городских партизан, будет упорно именовать РАФ «бандой Баадера — Майнхоф». Революционно настроенная молодёжь, впрочем, быстро «переокупирует» ярлык, расшифровав автомобильную марку «BMW» как «Baader—Meinhof Wagen» (то есть «автомобиль Баадера—Майнхоф»: такое безумное количество «BMW» было угнано рафовцами для своих акций).

Для крошечной организации, какой была РАФ «первого поколения», без долгой специальной подготовки (кратковременное пребывание в лагере ФАТХ в Иордании в 1970 г. такой не назовешь, да и учили там зачастую не тому, чему нужно — например, стрелять из гаубицы), без массовой базы, без многолетней традиции партизанской борьбы, без финансовой, военной и технической помощи извне, эти люди смогли сделать поразительно много. Позже, на знаменитом Штамхаймском процессе «первому поколению» лидеров РАФ будут предъявлены обвинения в организации свыше 800 терактов, направленных против объектов НАТО и бундесвера, карательных органов и учреждений госвласти, полицейских, судебных и правительственных чиновников, а также концерна Шпрингера; в экспроприации 3 миллионов марок; в 5 убийствах и 55 покушениях на убийство.

РАФ ставила перед собой две задачи. Первая: помочь партизанским антиимпериалистическим движениям в странах «третьего мира» не словами, а делами — открыть «второй фронт» в метрополиях, развернув в них пусть ограниченную, но настоящую герилью, оттянуть на себя материальные и военные силы империализма. Вторая задача (подчинённая первой): заставить капитализм проявить свою истинную, фашистскую, сущность, раскрыть обществу глаза на антигуманный, тоталитарный характер капитализма, «выманить фашизм наружу». Поэтому самая мощная боевая кампания «первого поколения» РАФ («майское наступление» 1972 г.) была организована в ответ на бомбардировки и минирование портов Северного Вьетнама ВВС США.

«Майское наступление» произвело столь неприятное впечатление на США, НАТО и истеблишмент ФРГ, что атлантические структуры и Бонн выделили 30 миллионов марок на борьбу с РАФ. На поиски городских партизан были брошены все наличные силы карательного аппарата, власть срочно мобилизовала на поиски рафовцев 150 тысяч секретных агентов (то есть стукачей). 31 мая 1972 г. по доносам друзей, знакомых, сослуживцев, родственников (в том числе супругов, братьев, детей и родителей!) в ФРГ по подозрению в причастности к РАФ было задержано свыше 300 человек (никто из задержанных не имел отношения к подполью и всех отпустили, но несколько человек испытали такой шок, что попали в больницу, двое из них умерли от инфарктов). 1 июня провалилась явка РАФ, Баадер, Распе и Майнс были арестованы. До Майнхоф очередь дойдет 15 июня. Она будет арестована в Лангенхагене (пригород Ганновера) на квартире Фрица Родевальда, председателя местного Союза учителей и школьного друга Ульрики.

Майнхоф поместят в тюрьму «Кёльн — Оссендорф», специально выделенную для содержания городских партизан. Там на арестованных будет опробована система «мёртвых коридоров» («Toten Trakt»): система тотальной изоляции, которая, по замыслу её создателей, должна вызвать у заключённого сенсорный голод, сенсорную депривацию — и сломить его волю, то есть либо заставить сотрудничать со следствием, либо свести с ума. Позже членов РАФ собирают в новом здании тюрьмы «Штамхайм», *специально для них построенном* (денег-то, денег сколько на это убухали!). В «Штамхайме» система «мёртвых коридоров» доведена до совершенства, а сама тюрьма возведена с таким расчётом, чтобы выдержать штурм авиадесантного полка, поддержанного артиллерией (это уже паранойя!).

В декабре 1972 г. политзаключённые (ещё не все) начинают голодовку протеста, требуя освободить Ульрику из «мёртвых коридоров». В январе им становится известно, что в «мёртвых коридорах» содержится ещё одна партизанка, Астрид Проль, и что её здоровье подорвано даже больше, чем у Майнхоф. К голодовке присоединяются все политзаключённые — члены РАФ. Власти лишают их воды, голодовка становится сухой. Возникает угроза, что многие умрут, так и не дожив до суда — то есть формально ещё не признанные виновными! Власти отступают. Майнхоф переводят из системы «мёртвых коридоров» в обычную одиночку, Астрид, находившуюся при смерти, со страху освобождают вообще.

8 мая 1973 г. политзаключённые начинают вторую всеобщую голодовку, требуя смягчения условий содержания. Власти вновь лишают голодающих воды, голодовка вновь становится сухой. Она длится до 29 июня, когда власти вновь

отступают.

10 сентября 1974 г. в Западном Берлине начался процесс над Ульрикой Майнхоф, Хольгером Майнсом и их товарищами по обвинению в освобождении из-под стражи Баадера в 1970 г. Майнхоф пытается использовать судебную трибуну для революционной агитации — и тогда подсудимым отказывают во всех процессуальных правах, процесс делается закрытым, свидетелей защиты отказываются вызывать и заслушивать в суде, подсудимые и адвокаты превращаются в наблюдателей. В ответ 13 сентября рафовцы начинают голодовку протеста. Но председатель Верховной судебной палаты Западного Берлина Гюнтер фон Дренкман непреклонен. Он публично называет подсудимых «подонками» и «бешеными собаками». 9 ноября Х. Майнс умирает от истощения. Фотография его скелетообразного — как из нацистского концлагеря — тела попадает в газеты. 10 ноября, мстя за Майнса его убийце, партизаны из западноберлинского «Движения 2 июня» казнят фон Дренкмана. В атмосфере полицейской истерии, массовых уличных беспорядков в день похорон Майнса, «диффузированного сопротивления» (стихийных нападений на полицейские машины и участки по всему Западному Берлину) процесс быстро сворачивают. 29 ноября 1974 г. У. Майнхоф получает 8 лет заключения. Её вновь ждут «мёртвые коридоры».

Тем временем, на 21 мая 1975 г. назначено начало «большого процесса» над РАФ (Штамхаймского), в числе главных обвиняемых: Майнхоф, Баадер, Распе, Энслин. В апреле, в отчаянной попытке освободить политзаключенных бойцы «Хольгер Майнс коммандо» захватывают посольство ФРГ в Стокгольме, берут в заложники 12 сотрудников посольства и требуют обменять их на 26 пленных

городских партизан. Несмотря на возражения шведской стороны и самих заложников (позже буржуазная пропаганда выдумает псевдопсихоаналитический «стокгольмский синдром»; никакого «стокгольмского синдрома» нет, просто партизаны ежедневно занимались среди заложников политпросвещением, во-первых, и объясняли им, что при штурме могут погибнуть все, во-вторых), Бонн посылает спецподразделение на штурм посольства. У партизан не хватает решимости при начале штурма убить заложников, как они грозились. Итог: посольство отбито, 2 дипломата и 1 партизан убиты, 30 человек ранено, руководитель акции — Зигфрид Хауснер — тяжело ранен и вывезен в «Штамхайм», где вскоре умирает.

Ободрённые успехом, власти ведут себя на суде жёстко (правда, не так жёстко, как фон Дренкман: отвести свидетелей защиты всё-таки никто не рискнул). Требование подсудимых о медицинском освидетельствовании 6 заключённых, находящихся на грани смерти, суд отклоняет. Подсудимые отказываются сотрудничать с судом. Их удаляют из зала, затем удаляют и защитников, оставив лишь одного. После 85-го протеста удаляют и его. Суд превращается в фарс. Юридическая машина отыгрывает назад лишь после смерти подсудимой Катарины Хаммершмидт: судей пугает судьба фон Дренкмана...

9 мая 1976 г. власти объявляют, что подсудимая Ульрика Мария Майнхоф найдена повешенной в своей камере. Официальная версия: самоубийство. Некоторое время власти путаются в датах: то ли она погибла 8 мая, то ли 9 (это даже в официальных документах!). Это притом, что проверка камеры Ульрики проходила каждые 15 минут, а обыск — каждые 2 часа. Никто так и не объяснил, каким чудом удалось добраться до крюка в потолке четырёхметровой

высоты (позже, застеснявшись, власти меняют версию: теперь Ульрика объявлена повесившейся на форточке). Причиной самоубийства назвали «напряжённые отношения» с другими членами РАФ. Но сами рафовцы на суде заявили, что это — ложь. Более того, У. Майнхоф не могла покончить с собой именно 8 и 9 мая: эти дни были для рафовцев праздничными — 8 мая считался официальным днём освобождения ФРГ от нацизма, а 9 мая победу над Гитлером празднуют все левые.

Похороны Ульрики Майнхоф состоялись 16 мая в Мариендорфе, в Западном Берлине. Церковь отказалась признать её самоубийцей (есть ещё такой источник информации: исповедь), и Ульрику похоронили в церковной ограде. За гробом шли 4 тысячи студентов в чёрных масках, с красно-чёрными знамёнами и со сжатыми в рот-фронтском приветствии кулаками. Первым с надгробной речью выступил Клаус Вагенбах, вместе с Ульрикой участвовавший в освобождении Баадера в 1970 г. Демонстрации памяти Ульрики прошли в тот день по всей Германии. В Гамбурге, Бремене, Ганновере, Киле, Кёльне, Дортмунде и Любеке они переросли в уличные бои с полицией. В тот же день состоялись демонстрации солидарности в Вене, Инсбруке, Брюсселе, Антверпене, Париже, Гренобле, Лионе, Милане, Турине, Риме, Флоренции, Венеции, Генуе, Берне, Женеве, Гааге, Амстердаме, Лондоне, Барселоне и даже в Белграде. В Испании, Италии и Франции правительственные и коммерческие представительства ФРГ подверглись вооружённым атакам. Во Франкфурте была взорвана бомба на американской военной базе.

Рената Римек, уже публично отрёкшаяся к тому времени от Ульрики, не только сама не пришла на похороны, но и не пустила на них дочерей Майнхоф.

Ян-Карл Распе на суде назвал имя организатора убийства Майнхоф: генеральный прокурор ФРГ Зигфрид Бубак. 7 апреля 1977 г. З. Бубак будет казнён городскими партизанами.

Так кончилась земная жизнь Ульрики Марии Майнхоф. Осталась легенда.

МЕЩАНСКОЕ БОЛОТО КОРИЧНЕВОГО ЦВЕТА

Сегодня не так легко представить себе, в каких условиях жила, писала и боролась молодая У. Майнхоф — за последние полвека ФРГ, конечно, изменилась (во всяком случае, внешне). Особенно это трудно сделать тем нашим читателям, кто смог побывать в ФРГ в 90-е и позже и не имел такой возможности в 50-х, то есть не может сравнивать. К тому же, и наши отечественные профессора и прочие академические «учёные» вот уже больше 10 лет выставляют ФРГ в качестве образца: там, дескать, не только осуществили «экономическое чудо», но и быстро и успешно преодолели фашизм, денацифицировали страну, покаяться, осудили прошлое, наказали преступников и вообще стали примером демократии и высокой культуры. Наши профессора и академические «учёные» давно известны своей продажностью: при советской власти лизали задницу советской власти, при антисоветской тут же принялись лизать задницу антисоветской. Как же этим проституткам не сочинять сказки об «образцовой» ФРГ? Ведь за это *деньги платят*: Фонд Аденауэра, Фонд Эберта, Фонд Наумана... В этом, собственно, и состоит разница между советскими профессорами и такими, как У. Майнхоф: об Ульрике будут писать книги, снимать фильмы, написанное ею будут переводить, издавать и переиздавать, придёт время — и в освобождённой от власти капитала Германии ей поставят памятники; а продажные профессора ничего, кроме презрения,

вызвать не могут, никто о них книг не напишет и фильмов не снимет, памятников им не поставит, а где их могилы, забудут уже их внуки — и уж тем более не может быть такого, чтобы их похороны превратились в манифестации солидарности и уличные бои. Жили шлюхами — шлюхами умрут.

В реальности всё было совсем не так, как рассказывают теперь наши профессора (полностью опровергая самих себя советского периода). Послевоенная ФРГ — страна с почти поголовным нацистским прошлым, с сорванной денацификацией, с политическим, военным и бизнес-руководством, пересевшим в свои высокие кресла непосредственно из аналогичных нацистских, конечно, не могла быть никаким «образцом» никакой «демократии». Послевоенное западногерманское общество — общество более чем консервативно настроенных мещан (бундесбюргеров) — было продуктом нацистского режима, который истребил оппозицию и «промыл мозги» оставшимся, выдрессировал их.

Восстановленная на американские деньги по «плану Маршалла», всё более погружающаяся в омут потребительства, в большей или меньшей степени профашистски настроенная, ненавидящая всё, что отличается от «предписанного стандарта», мещанская ФРГ эпохи Аденауэра была местом, где действовали ханжеские правила, предписывавшие на людях осуждать Гитлера, а дома, за обеденным столом восхвалять его. Впрочем, Гитлера восхваляли даже и публично (при условии, что не накажут): 40 % населения в социологических опросах 50-х гг. смело утверждало, что годы нацистской диктатуры были «лучшим временем в германской истории»¹.

Антифашисты в этой стране были *изгоями*. При этом они, как правило, не понимали, что формально демократическая и антифашистская конституция ФРГ (сколько хвалебных строк написала о ней в конце 50-х — начале 60-х У. Майнхоф!) не может быть подспорьем в борьбе с фашизмом. Им казалось, что достаточно разоблачить бывших нацистов у власти — и в первую очередь военных преступников — и всё исправится. Поэтому они занимались такими разоблачениями. И не сразу увидели, что чем дальше, тем картина безрадостнее: к началу 70-х гг. они собрали доказательства вины 364 тысяч военных преступников (а это была заведомо незначительная часть от общего числа!), в то время как перед судом (к 1980 г.) предстало лишь 86 498 человек, из которых осудили лишь 6329, причём почти всех — на символические сроки. Нацистских судей-палачей *вообще не судили никогда*: ведь они «всего лишь действовали в соответствии с тогдашними законами»! Даже тех, кого за военные преступления осудили в других странах — в том числе и у союзников по НАТО (во Франции, Нидерландах, Дании), — западногерманская Фемида укрывала и защищала².

Офицерский корпус ФРГ (и в первую очередь высшее офицерство) практически сплошь состоял из военных преступников, которые чувствовали себя настолько уверенно, что даже создали (ещё до официального провозглашения ФРГ, при оккупационных властях) первую неофашистскую организацию — «Братство» («Брудершафт»), которая пользовалась финансовой поддержкой банкира Р. Пфердменгеса, близкого друга К. Аденауэра³.

В сентябре 1950 г. «Братство» обнаглело до такой степени, что официально потребовало от Аденауэра ремилитаризовать ФРГ и «смыть позор Нюрнберга».

Среди руководителей «Братства» был генерал Ханс Шпейдель, которого Аденауэр вскоре назначил генеральным инспектором бундесвер⁴. Судя по всему, членом «Братства» был и ставший в 1966 г. канцлером К.-Г. Кизингер. Во всяком случае, когда в ФРГ в 1950 г. внезапно объявился (и жил под своим собственным именем, не скрываясь!) статс-секретарь Геббельса и «легитимный» руководитель несуществующего рейха Вернер Науман, на поклон к нему среди прочих нацистских подпольщиков являлся и Кизингер⁵ (Науман мог формально претендовать на роль наследника Гитлера: Гитлер назначил своим преемником Геббельса, а Геббельс перед самоубийством — Наумана; Науман в кратчайший срок организовал грандиозный заговор, в который вовлёл верхушку бундесвера, ХДС и Свободной демократической партии (СвДПГ); арестованные английскими оккупационными властями в 1953 г. заговорщики были переданы юстиции ФРГ, а та их *отпустила*⁶).

Хотя уже для Нюрнбергского трибунала был подготовлен солидный список германских промышленников и банкиров — нацистских военных преступников, почти все они избежали наказания, а те немногие, кто предстал перед судом и был осуждён, отделались символическими сроками, да и те вскоре сменились помилованием. Но самое страшное было даже не это, а то, что в военных преступлениях участвовали не одни руководители, участвовали миллионы (и это касалось не только вермахта; на заводах Круппа, например, рядовые мастера и инженеры вели себя с пленной «рабсилой» как садисты и типичные военные преступники⁷). Такая «безобидная» и «гуманная» организация, как Красный Крест ФРГ, снабжала нацистских преступников деньгами и предупреждала об опасности тех из них, кого разыскивали правоохранные органы других стран⁸. Оказывалось, что кого из высокопоставленных лиц ни

тронь — за каждым числятся военные преступления и преступления против человечества (кстати, и расследовать это было совсем не безопасно)⁹. Даже тот, кто долгое время имел репутацию «незапятнанного», при ближайшем рассмотрении оказывался нацистом. Так, творец «немецкого экономического чуда»¹⁰.

Людвиг Эрхард, когда копнули, оказался экономическим советником нацистского гауляйтера Бюркеля — и сначала устраивал «экономическое чудо» для фашистов, доводя до смерти сотни тысяч заключённых концлагерей¹¹. В конце концов, только в СА и СС, признанных, по Нюрнбергу, «преступными организациями», в конце войны состояло 4 млн 450 тыс. человек¹²! По подсчётам знаменитого немецкого экзистенциалиста Карла Ясперса, в послевоенной ФРГ взрослых немцев, не запятнавших себя нацистскими преступлениями, было не более 500 тысяч — и, разумеется, их «оттеснили в сторону» и сделали «лишними»¹³.

Власти ФРГ в 1965 г. собирались даже — вопреки международному праву — ограничить срок давности военных преступлений 1969 годом. Бундестаг на это не пошёл — и антифашисты ФРГ считали это своей большой победой (лишь У. Майнхоф подозревала подвох — и была права: даже ей не было известно, что бывшие нацистские крючкотворы уже разделили военные преступления на две категории: «Totschlag» и «Mord» — и на «Totschlag», куда записали уничтожение «партизан, подпольщиков, саботажников и т. п.» (а под это «и т. п.» можно повести что угодно!), втихую распространили срок давности¹⁴!).

Стоит ли удивляться в таких условиях тому, что из 300 доказанных военных

преступников, убивших тысячи людей в Освенциме, в 5 процессах с 1965 по 1974 г. западногерманские суды оправдали 285, а из оставшихся 15 лишь 6 были осуждены пожизненно, причём за исключением одного, умершего в тюрьме, все они вскоре вышли на свободу¹⁵.

И если бы всё это касалось только судей, военных и министров! Нет: левые разоблачали и разоблачали нацистских убийц — а бундесбюргеры избирали и избирали разоблачённых в бундестаг и в ландтаги. Фашист — это, перефразируя Ленина, *озверевший от ужаса капитализма* мелкий буржуа. Но даже в процветавшей ФРГ этот мелкий буржуа (не обязательно по формальному социальному статусу, но обязательно по психологии) испытывал симпатию именно к фашистам, а не к антифашистам. Обыватель — авторитарная личность, он не может обходиться без авторитета, твёрдой власти и стабильности, поэтому в равной степени одни и те же лица были опорой Гитлера при нацистской диктатуре и Аденауэра — Эрхарда — Кизингера — при «представительной демократии». Всё в точности так, как писала Франкфуртская школа¹⁶.

Добавим к этому, что западногерманское государство, только возникнув, стало одну за другой запрещать именно *антифашистские* организации: вслед за Объединением лиц, преследовавшихся при нацизме, были запрещены Демократический женский союз, Союз свободной немецкой молодёжи, Национальный фронт демократической Германии, Культурбунд, Комитет борцов за мир. После запрета КПГ застал черед её «дочерних» организаций (как действительно дочерних, так и провозглашённых таковыми властями). В то же время, запретив в начале существования ФРГ Социалистическую партию

Германии (прямо провозглашавшую себя преемником НСДАП), далее власти стали систематически отказывать в требованиях запрета неофашистских организаций: оказывается, запрет политической организации — чрезвычайная мера и злоупотреблять ею нельзя.

И всё это — на фоне чудовищной духовной провинциальности, затхлости, торжествующего мещанского убожества в культуре. Подобно тому, как у нас сталинский контрреволюционный мелкобуржуазно-бюрократический режим истребил почти всё талантливое** — так, что наши довольно убогие в большинстве своём «шестидесятники» воспринимались на безрыбье чуть не гениями, — так и в ФРГ 50-х в культурной пустыне чуть ли не гениями казались писатели «Группы 47». Нелепое представление о ФРГ Аденауэра как о стране высокой культуры складывалось и в СССР: у нас переводили и печатали — по идеологическим соображениям — именно прогрессивных писателей (из той же «Группы 47», в частности), одновременно их восхваляя, так что у читателей складывалось впечатление, что в ФРГ вся литература — такая. По прошествии времени мы можем, однако, констатировать, что талантов, равных по масштабу братьям Манн или Фейхтвангеру, это поколение так и не дало. А кроме того, вовсе не оно определяло лицо литературного рынка ФРГ — как раз серьёзная литература там была литературой *маргинальной*, основную массу составляла чудовищно убогая, ориентированная на обывателя и откровенно консервативная «массовая литература» (в ФРГ её стыдливо называли «тривиальной литературой»)¹⁷.

Не менее безобразным было положение на TV. Западногерманского кинематографа как искусства не существовало до начала 70-х. Собственно, пока

в 60—70-е в культурное пространство не стало вторгаться поколение бунтарей, поколение У. Майнхоф, культурная ситуация ФРГ повторяла культурную ситуацию нацистской Германии: очень высокое исполнительское искусство в области классической музыки и оперного театра — и удручающая посредственность во всём остальном.

Положение отягощалось бегством прогрессивно настроенной интеллигенции в ГДР. Нам любят рассказывать о том, как бежали из ГДР в ФРГ, но наши продажные пропагандисты молчат, что существовал и обратный поток (в начале 50-х они были сравнимыми, в 60-е на каждые 10 перебежчиков из ГДР приходился 1 из ФРГ) — причём в ГДР бежали даже солдаты бундесвера и пограничники с оружием в руках (из ГДР в ФРГ, разумеется, тоже). В большинстве представители левой интеллигенции, бежавшие в ГДР, не смогли себя реализовать на «новой родине», но и культурное пространство ФРГ тоже их лишилось.

Профессора в университетах — с почти поголовно нацистским прошлым — были такими, что лучше бы их не было вовсе (кто учился в СССР в «период застоя», меня поймёт). Позже многие титулованные «учёные» возмущались бунтующими студентами 60-х и клеймили их как «хулиганов»: дескать, какое безобразие, освистывали профессоров, оскорбляли их, не пускали на трибуну! А ведь студенты вели себя неприлично умеренно: эту академическую фашистскую сволочь надо было не освистывать, а расстреливать. Известный западногерманский историк Эрнст Нольте так был оскорблён свободомыслием и неуважительностью студентов, что даже утверждал, будто именно на базе «сформированного марксизмом» студенческого движения в ФРГ «возникает

фашизм»¹⁸ ! Это тот самый Нольте, который в 1986 г. спровоцирует «спор историков» в попытке (небезуспешной) реабилитировать нацизм. Теперь, когда книги Нольте изданы по-русски, каждый имеет возможность прочитать, каким хорошим (правовым и т. д.) государством была нацистская Германия, а также что нацизм был единственным способом защитить западную цивилизацию от совсем уже ужасного, дикого, азиатского большевизма (а заодно прочитать и хитро спрятанные в примечания пассажи, оправдывающие «ревизионистов», отрицающих факт гитлеровского геноцида, и утверждающие, что в газовых камерах нацисты никого не истребляли, а «уничтожали паразитов»)¹⁹ . Так даже сегодня выглядит в ФРГ «респектабельная наука». Что уж говорить о 50-х!

Бундесбюргер в 50—60-е ненавидел всех, кто напоминал ему о его фашистском прошлом — тем более, что у бундесбюргера теперь было новое любимое занятие: потребительство²⁰ . Даже в конце 60-х — начале 70-х средний бундесбюргер не испытывал никакого интереса к культуре, был занят только своей семьёй и работой и стремился к самоизоляции: ходить в гости было не принято, обращаться к соседям за помощью — тоже. Основное времяпрепровождение: в молодости — немного спорта, в зрелом возрасте — TV, свой дом, участок, работа и экономия. Самым популярным напитком оставался «напиток фюрера» — пиво (147 л на человека в год, в то время как чая — 32 л, молока — 94), каждый 20-й житель ФРГ был алкоголиком²¹ .

Десятилетия левые и еврейские организации вели борьбу за то, чтобы дать Дюссельдорфскому университету имя Г. Гейне — безуспешно (понятное дело: Гейне — еврей и друг Маркса). Гейне в ФРГ не издавали (и не издают) большими тиражами, так и не вышло в свет полное собрание его сочинений. В доме, где он

родился, десятилетиями не удавалось создать музей. «Фонд Гейне» (его личная библиотека и книги о нём — всего свыше 5 тысяч томов) не мог найти помещения. К 175-летию со дня рождения Гейне власти Дюссельдорфа были вынуждены закупить 20 тысяч экземпляров его книг в ГДР.

Трудно в такой обстановке не догадаться рано или поздно, что ты всё ещё живешь в глубоко фашистской стране. Ульрика и её единомышленники в конце концов догадались.

ЧРЕЗВЫЧАЙЩИНА

10 лет жизни отдала Ульрика отчаянной борьбе с чрезвычайным законодательством. Именно в этой борьбе она поняла, как в действительности функционирует западногерманская «демократия», и лишилась иллюзий относительно этой «демократии».

Власти ФРГ осознали, что их законодательство «слишком демократично», в 1958 г., после мощных демонстраций противников ядерного вооружения бундесвера, прошедших во всех крупных городах (особенно грандиозные демонстрации состоялись в Гамбурге, Дюссельдорфе, Киле, Бремене, Дортмунде). Антиядерное движение было блокировано запретом на проведение референдума, но в ХДС/ХСС решили, что необходим механизм, который может запретить и ликвидировать всякие протесты вообще. Тогдашний министр внутренних дел Г. Шрёдер был прост и откровенен:

«Следует ... ругать не Основной закон, а нас самих, если мы не примем соответствующие меры... Это предполагает изменение законодательства или

дополнение конституции»²² .

И правительство тут же родило первый законопроект о чрезвычайном положении.

Антифашисты и левые вздрогнули: во-первых, они помнили о том, какую роль сыграли чрезвычайные законы Веймара в установлении нацистской диктатуры, во-вторых, им казалось, что в ФРГ и без того уже много чрезвычайных законов.

Чрезвычайное законодательство было предусмотрено ст. 48 Веймарской конституции — и на основе этой статьи были созданы «чрезвычайные суды», которые широко использовались против революционеров. Например, в Баварии «чрезвычайные суды» с 1919 по 1924 г. вынесли 557 смертных приговоров левым (а всего осудили 2209 человек)²³ . И при этом Веймарская республика не захотела использовать эти суды против участников Капповского путча и «пивного путча» Гитлера!

Статья 48 торила Гитлеру дорогу к власти. На её основе президент неоднократно распускал рейхстаг, если тот не поддерживал реакционные действия президента (18 июня 1930 г. рейхстаг был распущен из-за того, что не одобрил чрезвычайный президентский указ; 4 июля 1932 г. — чтобы облегчить издание серии чрезвычайных указов; 12 сентября 1932 г. — в ответ на требование рейхстага отменить чрезвычайный указ от 4 сентября и *после того, как рейхстаг вынес вотум недоверия правительству фон Папена!*).

И началось: закон «О защите республики и умиротворении страны» (март 1930) позволил запретить ряд левых организаций («Союз красных моряков» и др.)

вопреки ст. 124 Веймарской конституции, а также ввёл такие нигде не разъяснённые понятия, как «поношение» и «унижение» государства, что наказывалось в судебном порядке (то есть вводился судебский произвол). Чрезвычайный закон от 28 марта 1931 г. разрешил полиции запрещать собрания в случае, если есть *подозрения*, что эти собрания могут нанести вред «общественной безопасности или порядку» (к нацистам этот закон, конечно, не применялся). Чрезвычайный указ от 3 мая 1932 г. «О роспуске коммунистических безбожных организаций» запретил деятельность объединений атеистов. Закон «Против злоупотребления оружием» (март 1931 г.) был направлен против отрядов рабочей самообороны (по этому закону оружием признавался любой предмет — вплоть до пальто — использовавшийся для самозащиты). Указ Гинденбурга — фон Папена от 8 декабря 1931 г. ввёл смертную казнь за убийство по политическим мотивам полицейского, военнослужащего или «содействовавшего им лица» (в то время максимальным наказанием за убийство было пожизненное заключение). Естественно, против нацистов этот закон ни разу применён не был.

В 1951 г., в нарушение ст. 101 Конституции, в ФРГ была создана система политических судов (они разбирали дела о «коммунистической пропаганде» и т. п.). Эти суды резко ограничили права подсудимых (например, суды руководствовались априорным положением, что действия органов власти ФРГ заведомо не могут расходиться с конституцией, попытка подсудимого доказать, что он осуществлял свои конституционные права или действовал в защиту конституции, отвергались с порога). Политические суды ввели в практику принятие в качестве «свидетельских показаний» данных анонимных источников (то есть спецслужб и секретных агентов, не появлявшихся на заседаниях).

Подсудимые не могли (в нарушение конституции и УПК) в открытом судебном заседании опровергнуть эти «свидетельства», задать вопросы этим «свидетелям» и т. п.²⁴ .

Закон 1953 г. о собраниях ограничил право на собрания и манифестации. Четвёртый закон об изменении уголовного права (1957 г.) ввёл уголовную ответственность за устные или письменные выступления против ремилитаризации ФРГ. Так что, когда правительство решило ввести ещё и тотальное, тщательное разработанное чрезвычайное законодательство, мгновенно образовалось движение протеста.

Борьбу против чрезвычайных законов возглавил Кураториум, в его состав вошли нобелевский лауреат Макс Борн, известные учёные Вольфганг Абендрот, Фриц Бааде, Юрген Зейферт, Гельмут Риддер, главный редактор профсоюзного издания «Геверкшафтлихте монатсхефте» профессор Вальтер Фабиан, заместитель главного редактора «Франкфуртер рундшау» профессор Эрвин Шейх. Вокруг борьбы против чрезвычайного законодательства и стала складываться внепарламентская оппозиция 60-х: ССНС, Объединение немецких профсоюзов (ОНП), СХБ, «Объединение независимых социалистов», Социалистический союз, «Рабочее содружество социалистической оппозиции», «Молодые социалисты», социал-демократическая молодёжь «Соколы», Либеральный студенческий союз Германии, Германский студенческий союз, «Союз немцев», «Немецкий союз мира», «Демократическое действие», «Лига борьбы за права человека», «Франкфуртский круг», а затем и антивоенные организации — «Кампания за разоружение», Кураториум противников военной службы, Немецкое общество мира, «Бюро по Вьетнаму», Кампания «Демократия

в опасности»... До 1959 г. (до принятия Годесбергской программы) СДПГ тоже выступала резко против чрезвычайного законодательства, но затем предала своих союзников. Однако ориентировавшееся на СДПГ ОНП (а тогда в ОНП состояло 6,5 миллионов) не сменило позицию несмотря на давление социал-демократов. Более того, на состоявшемся в 1963 г. Чрезвычайном съезде ОНП в Дюссельдорфе была подтверждена линия на противостояние чрезвычайному законодательству.

Власти ФРГ были смущены такой дружной реакцией — и до поры до времени (пока чрезвычайное законодательство барахталось в бундестаге) предпочитали добиваться своего незаметно, малыми шагами. Так, дополнение 1960 г. к Закону о воинской повинности предоставило правительству право проводить в мирное время (и без одобрения парламентом) всеобщую мобилизацию. Закон 1961 г. о цензуре почтовых отправок легализовал перлюстрацию. В стране постепенно восстанавливалось нацистское законодательство. Первый закон об изменении уголовного права восстановил нормы нацистского закона от 20 апреля 1934 г. о государственной измене и посягательстве на безопасность страны. Четвёртый закон об изменении уголовного права повторил нормы закона от 20 декабря 1934 г. «О защите государства и партии от предательских посягательств»²⁵.

Политические суды ввели в практику устранение из дела неугодных адвокатов, то есть тех, чьи политические взгляды не соответствовали «норме» (такие адвокаты официально провозглашались Особым политическим сенатом Федерального суда «потерявшими необходимую независимость»). Всё это делалось в нарушение и конституции, и УПК (поскольку получалось, что Особый

политический сенат берёт на себя функцию законодателя). Даже тогда, когда адвоката не отстраняли, в политическом суде его ограничивали в правах: не предоставляли всех материалов дела, не разрешали копировать материалы и т. п.²⁶.

Восьмой закон об изменении уголовного права (принят в 1967 г.) расширил понятие «измена родине» до «любых действий, представляющих угрозу для ФРГ». Фактически это означало, что вводится судебный произвол: стоило судье счесть, что, например, забастовка «представляет угрозу для ФРГ» — и забастовщики становились «изменниками родины».

Но после принятия 30 мая 1968 г. чрезвычайного законодательства все плотины прорвало. 9 июля был принят закон «О трудовой повинности», который распространялся на всех мужчин в возрасте от 18 до 65 лет и женщин от 18 до 55 лет и предусматривал принудительный труд в случае не только войны, но и «состояния напряжённости» (закон не распространялся лишь на высокопоставленных чиновников и судей и на священников евангелической и католической церкви). 24 июля были приняты сразу 17 поправок к конституции — чтобы привести её в соответствие с чрезвычайным законодательством. В Основной закон, в частности, был введён раздел X-а, установивший, что в случае войны, «состояния обороны» и чрезвычайного положения власть переходит от парламента к некоему «Общему комитету» (Gemeinsamen Ausschuß) из 33 человек, который большинством голосов (то есть всего 17 голосами) мог сделать что угодно: хоть объявить вотум недоверия канцлеру, хоть превратить всю страну в концлагерь. Причём законы, принятые Общим комитетом, действуют ещё 6 месяцев после прекращения «состояния обороны».

13 августа был принят закон «Об ограничении тайны переписки, почтовой, телеграфной и телефонной связи». Наконец, в 1969 г. был возрождён гитлеровский закон от 28 июля 1935 г. о превентивном аресте и реанимированы концлагеря — в форме «лагерей превентивного заключения» (в случае чрезвычайного положения).

Так что Ульрика и её товарищи понимали, против чего они боролись. Неслучайно митинги и демонстрации против чрезвычайного законодательства продолжались весь май 1968 г., а в ответ на решение бундестага вспыхнули стихийные забастовки в Бохуме, Мангейме, Кёльне, Нюрнберге, Дуйсбурге, Мюнхене и других городах. Социал-демократическое руководство ОПН, однако, грозившее всеобщей политической стачкой, свою угрозу не осуществило — поскольку это «противоречило бы принципам парламентской демократии». Последнее и самое мощное оружие противников чрезвычайного законодательства так и не было использовано.

Но ещё до этого, сразу после «звёздного марша» внепарламентской оппозиции 11 мая, Ульрика уже осознёт, что эта оппозиция делает не так, и напишет: мы были слишком наивны и недостаточно политически грамотны, мы защищали буржуазную конституцию от буржуазии вместо того, чтобы бороться с властью буржуазии, эта тактика обречена на поражение.

И всё же понятно, против чего и почему они боролись: действительно, без чрезвычайного законодательства не было бы «расстрельных облав» 70-х, в которых погибло 140 человек (из них лишь 5 или 7 были подпольщиками); не было бы изменений УПК 1974 г., запретивших (в политических делах) участие

адвоката в предварительном следствии, в допросе экспертов и свидетелей и поставивших под прямой контроль полицейских властей всё общение защитника с подзащитным; не было бы «запретов на профессию», по которым было уволено 7 тысяч человек и подвергнуто унижительной «проверке на благонадёжность» 3 миллиона; не было бы совершенно фашистской по духу «немецкой осени» (травли «симпатизантов» РАФ в 1977 г.); не было бы зверского избиения 70-тысячной демонстрации против строительства АЭС в Брокдорфе; не было бы циничного закона 1982 г. в земле Баден-Вюртемберг, возложившего на демонстрантов возмещение расходов полиции на поддержание порядка (и разгон, если он случится) во время демонстрации.

И это всё — не «дела давно минувших дней». Для нашей страны сейчас эта тема и этот опыт — самые что ни на есть актуальные. Это ведь у нас приняли безумный закон «О противодействии политическому экстремизму» — с такими формулировками, что под них можно подвести любую общественную и религиозную организацию. Это ведь у нас принят закон, в соответствии с которым *подозреваемого* в причастности к терроризму можно задерживать на срок до 30 суток (за 30 суток из человека, если умеючи бить, можно выбить какое угодно признание: и что он — Усама бин Ладин, и что он застрелил президента Кеннеди, и что он продал мать-родину разведке Королевства Лесото, и что он — шпион коварных ракопауков из туманности Андромеды). И это у нас вот-вот примут закон, запрещающий проводить митинги и демонстрации в единственном месте, где власть на них обращает внимание: на дорогах и мостах...

Фашизм начинается не с поджога Рейхстага. Фашизм начинается с такого

законодательства, которое делает привлекательным этот поджог.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ МЫСЛИТЕЛЬ

Даже в том случае, если бы тексты У. Майнхоф имели только историческую ценность, их надо было публиковать — чтобы узнать из первых уст правду о ФРГ 50—70-х гг. (а то скоро усилиями фондов Аденауэра и Наумана в нашей стране тогдашнюю ФРГ все будут считать «раем на земле»). Но статьи Майнхоф имеют ценность и как тексты *политического мыслителя, политического философа, политолога* — причём не кабинетного учёного, изобретающего не связанные с реальностью схемы, а человека, непосредственно вовлечённого в политическую борьбу, наблюдавшего её *изнутри* и *лично* воздействовавшего на политический процесс.

У нас в стране политическая наука представлена, увы, двумя категориями деятелей: одни (в основном, бывшие преподаватели «истории КПСС» и «научного коммунизма») занимаются занудным чтением занудных лекций по темам, в которых ничего не смыслят, и пишут статьи, при ближайшем рассмотрении оказывающиеся плохим изложением плохо понятых и плохо переваренных текстов (тоже, кстати, плохих) западных коллег; другие, примазавшись к каким-нибудь фондам, занимаются преимущественно отслеживанием подковёрной борьбы в Кремле. Достаточно вспомнить постоянно мелькающего на TV «политолога» Сергея Маркова, ранее кормившегося от щедрот Центра Карнеги, а теперь из выступления в выступление безудержно восхваляющего непреложную мудрость президента.

Насколько выше этих «политологов» У. Майнхоф, не претендовавшая вроде бы в

своих статьях на серьёзную теоретическую работу, можно показать на нескольких примерах.

В статье «Человеческое достоинство»²⁷ Ульрика констатирует, вслед за известным австрийским футурологом Р. Юнгком (нашему читателю, впрочем, он больше знаком по книге «Ярче тысячи солнц», которая переиздавалась много раз), что демократия и ядерное оружие несовместимы. Почему? Это понятно: потому что ядерным оружием распоряжается *исполнительная власть* (в пределе — один человек), а это оружие может уничтожить весь мир. Если *один человек* может уничтожить весь мир, абсурдно говорить о демократии (то есть народоправстве): один человек с ядерным оружием, *конечно же*, имеет больше власти, чем целый народ. Но Майнхоф идёт дальше: она делает вывод, что невозможно в принципе с момента появления ядерного оружия сочетание подлинной демократии с войной и насилием. А если война и насилие уже есть, уже заданы, то разговоры о демократии превращаются в демагогию. Хотите демократии — уничтожьте войну, уничтожьте насилие. Но агрессора можно обуздать *только* силой. Ergo: демократия возможна лишь тогда, когда не будет войн и насилия (то есть, кстати, и государства как легального инструмента насилия). А до этого момента, если вы демократ — вы должны быть комбатантом.

Вряд ли у кого-то из наших «политологов» хватит интеллекта (да и просто смелости) на такие выводы.

Или статья «Против кого?»²⁸. Против кого направлены готовящиеся законы? — спрашивает Ульрика. Наши «политологи», конечно, исходят из того, что законы

«регулируют жизнь общества» (носят, то есть, функциональный характер или даже альтруистический). В лучшем случае, вспомнив, чему их учили в советских вузах, они скажут, что законы выражают определённые социальные, имущественные, сословные, классовые интересы. А вот Майнхоф знает, что всякий закон *направлен*: обязательно направлен не только на защиту кого-то (чьих-то интересов), но и против кого-то (чьих-то интересов). У наших «политологов» сейчас очень модным становится немец Никлас Луман. Функционалист Луман, пишущий чудовищным по невыразительности языком, говорит, в сущности, что та общественная система хороша, которая *исправно функционирует*. И всё. А ведь самой исправно функционировавшей системой была нацистская: советские войска уже стояли на Одере, союзники — на Рейне, а в рейхе продолжал соблюдаться идеальный порядок и даже *продолжался рост промышленного производства!* Мерзавец Луман своими построениями тайно реабилитирует нацизм (как Э. Нольте — своими), а наши дураки-«политологи» его изучают и пропагандируют. А вот Ульрика задаёт «простой» вопрос: против кого? Против кого направлена прекрасно функционирующая система? Всё: с момента, как этот вопрос задан, луманианству — грош цена.

В статье «Борьба против чрезвычайного законодательства — классовая борьба»²⁹ У. Майнхоф по одной-единственной фразе из газеты реконструирует политическую систему буржуазной «представительной демократии»: «избранники народа» никак не зависят от народа. Тогда почему это — демократия? (Отдадим, впрочем, должное К. Ясперсу — он заметил это раньше Майнхоф и даже ответил на вопрос: политическое устройство ФРГ — это не демократия, а «олигархия партий»³⁰ .)

В статье «Ложное сознание»³¹ Майнхоф с предельной чёткостью доказывает: освобождение женщины может быть *только* освобождением её от неравноправия не гендерного, но социального, классового (то есть освобождением *вместе* с мужчиной, *вместе* со всем обществом). Просто «равноправие полов» — не более, чем переход из одной категории угнетённых в другую. Этот тезис сто раз потом повторили западногерманские радикальные феминистки (и вообще они растащили статью на цитаты) — не ссылаясь при этом на «страшную» Ульрику, то есть попросту воруя у неё. Но сделали это уже в 90-е гг. А Ульрика написала статью 35 лет назад. Американские же феминистки, не знакомые с творческим наследием Майнхоф, осознали её правоту только сейчас, после своей формальной «победы»³².

Точно так же из статьи «Вьетнам и немцы»³³ становится ясно, что Майнхоф понимала, что «холодная война» (пусть на примере её «горячего фланга» во Вьетнаме) — это *мировая война*, то есть III Мировая война. И понимала это за 30 лет до субкоманданте Маркоса³⁴.

И, наконец, последнее. Деятельность РАФ чаще всего осуждают с *моральных* позиций. Хотя давно известно, что именно те, кто любят говорить о морали, с моралью не в ладах (они, собственно, потому о морали постоянно и говорят). Между тем, мораль и политика *никак друг с другом не связаны*. Это — две совершенно разные, не сопрягающиеся сферы человеческой деятельности, подобно, например, органическому синтезу и стихосложению. Конечно, и стихосложением, и органическим синтезом может заниматься (и вполне успешно) один и тот же человек, но от этого органический синтез и стихосложение не начинают влиять друг на друга.

Так и политика с моралью. Существует, однако, один-единственный случай, когда политика становится *моральной*: это когда в политику привносится понятие справедливости (неважно, личной или социальной). Когда феодал А. нападает на феодала Б. (пусть даже тот в десять раз сильнее), потому что Б. разорил поместье брата А., — феодалом А. движет чувство справедливости. Когда угнетённый убивает угнетателя — им движет чувство справедливости. Именно об этом статьи Майнхоф «Напалм и пудинг»³⁵ и «Водомёты. И против женщин тоже»³⁶: о том, что буржуазные «моралисты» готовы осудить любое, даже карнавальное насилие против себя и Системы, но при этом всегда найдут, какими софистическими приёмами оправдать геноцид целого народа или расправу над оппозицией. Между тем, революционное насилие — это *всегда ответное* насилие. Оно не нуждается в моральном оправдании, как не нуждается в моральном оправдании всякое возмездие. Возмездие — это реализация права на справедливость; его моральное оправдание — в нём самом.

ДЕНЬ СЕГОДНЯШНИЙ

Если речь идёт о политическом действии, нельзя уклониться от вопроса о его последствиях. Итак, как повлияла деятельность У. Майнхоф и её единомышленников на ФРГ? Оказывается, очень сильно.

Во-первых, они показали, кто чего стоил в «левом движении». Показали, как много в этом движении было революционных болтунов и трусов, произносивших громкие фразы, но пугавшихся при первой же опасности репрессий. Во-вторых, показали, что в Германии 60-х нашлось всё-таки много удивительных по человеческим качествам бойцов: напомним, что властям ФРГ так и не удалось

разгромить РАФ, организация, сменив пять поколений, сама заявила из подполья о прекращении вооружённой борьбы в апреле 1998 г. — в связи с тотальным изменением обстановки в мире. Отсюда вывод: современное капиталистическое государство может ограничить, но не может ликвидировать «городскую герилью».

В-третьих, западногерманское государство сделало из «городской герильи» выводы и вынуждено было измениться: если сначала оно просто не разговаривало с оппозицией, а затем — разговаривало дубинками, то теперь оно *терпит* оппозицию, вступает с ней в диалог (пусть зачастую и формальный), полемизирует. Как это выглядит, я видел пару лет назад в Берлине: на конференции по ксенофобии важные профессора с кислыми лицами *вынуждены* были слушать молодых панковского вида антифашистов, задававших неприятные вопросы о том, почему не пропагандируется «низовой» опыт сопротивления нацистам, и о том, почему замалчиваются традиции антифашистской пропаганды в ГДР. Профессора кривились, переглядывались со значением (особенно при слове «ГДР»), но терпели.

Истеблишмент выучил: лучше немного потерпеть их, чем доводить их до герильи и превращаться в мишень.

Аналогичным образом в сегодняшней ФРГ левая (в первую очередь анархистская) оппозиция успешно задвинута в специально выделенное для неё гетто (впрочем, вполне комфортабельное) — и сделана *безопасной*.

Лучше ли от этого стало? Думаю, нет. Но это уже — *другая тактика* государства. Впрочем, надо учесть, конечно, и то, что старые нацистские кадры,

определявшие лицо ФРГ в 50—60-е, просто *вымерли*. Сегодня у власти — «поколение 68-го» (один пособник городских партизан Йошка Фишер, ставший министром иностранных дел, чего стоит!), и хоть оно и превратилось в бундесбюргеров, но это — бундесбюргеры с *другим жизненным опытом*.

Западногерманское буржуазное государство стало хитрее. В конце 70-х — начале 80-х оно принялось поощрять мелкие неонацистские группы — и расплодило их в огромном количестве. Расчёт был верным: эти группы оттянули на себя внимание левой оппозиции. Теперь ультралевые борются с опереточными (и не очень) ультраправыми и *забыли об основном враге — капитализме, буржуазном государстве*. Антифашисты образца РАФ замахивались на место противника *мирового империализма*, на то, чтобы создать «два, три, много Вьетнамов». Сегодняшняя «антифа» мечтает о том, чтобы добиться от местных властей запрета деятельности микроскопической группки полупьяных фашиствующим придурков.

И о России. Книга Майнхоф ещё *только была обещана*, а на страницах «Книжного обозрения» его ответсек А. Ройфе уже поспешил опубликовать донос: вот он, дескать, «*посильный вклад „Гилеи“ в борьбу с экстремизмом*»³⁷. Лавры Фаддея Булгарина ему покоя не дают. Родители ему в детстве не объяснили, что «стучать» нехорошо.

Но Ройфе на этом не остановился и выступил с *теоретическим оправданием* доноса:

«*Очень важно понимать, что реально противостоит „левому натиску“ и что сможет противостоять в будущем. Речь о конкуренции за „ментальное*

пространство“ — этот lebensraum литературы. Ведь леваки зашевелились не случайно: те, кто стоял у кормила литературной власти все постсоветские годы, так и не смогли предложить российскому читателю ничего жизнеспособного. Отсюда унылые дискуссии в газетах о „сумерках литературы“, отсюда премиальный бартер („ты награждаешь меня сегодня, я тебя — завтра“), отсюда фатальное падение тиражей „толстых“ журналов, которым уже не подняться. А всё потому, что бывшие инженеры человеческих душ никак не возьмут в толк: учительство кончилось, начался балаган. Литература стала шоу-бизнесом, и задача у неё одна — развлекать. Были, были хорошие романы за минувшее десятилетие — „Генерал и его армия“, „Венок на могилу ветра“, «Ложится мгла на старые ступени»... Получали „престижные“ премии, имели хорошую прессу, издавались отдельными книгами. Но выйди сейчас на улицу, спроси прохожего о любом из этих романов — вразумительного ответа не получишь. А Маринину — знают! И Акунина — знают!

Именно масскульт, честный, беспримесный масскульт, который весь стоит на консервативных ценностях (Бог, семья, собственность, патриотизм — порядок произвольный), сражается сегодня с леваками за власть над умами сограждан. У них разная философия: авторы масскульта хотят исправить нынешнюю жизнь, левакам же надо полностью разрушить ее... Кажется, ясно, кому нужны великие потрясения, а кому — великая Россия»³⁸ .

Хорошо, когда человек пишет так прямо и открыто. «Бог, семья, собственность, патриотизм» — любой фашист под этим подпишется. «Масскульт» как оружие против подлинной, «высокой» культуры — да это же Шпрингер! Великая Россия... Великая Германия... Ein Reich, ein Volk, ein Führer... Какое вам ещё

нужно доказательство, что книгу Майнхоф нужно срочно издавать?

Автор выражает глубокую благодарность Анне Комаринец за бесценную помощь в работе с источниками на немецком и шведском языках

22 апреля —31 октября 2004

---

*Редакция сайта Lenin Crew, в отличие от автора, не считает правильным помещать “Пражскую весну” в ряд революционных выступлений 1960-х гг.

**Редакция сайта Lenin Crew не разделяет взгляды автора на Сталина и советский социализм.

Источник

Нашли ошибку? Выделите фрагмент текста и нажмите Ctrl+Enter.

Примечания

1. Eisenberg D. The Re-emergence of Fascism. L., 1967. P. 84. ↩
2. См. подробнее: *Забриски Rider*. № 13. С 128—129; № 1. С. 15—16. ↩
3. Подробнее о «Братстве» см.: Опитц Р. Фашизм и неофашизм. М., 1988. С. 199—232. ↩
4. Поморин Ю., Юнге Р., Биманн Г. Тайные каналы. По следам нацистской мафии. М., 1985. С. 102. ↩
5. Опитц Р. Указ. соч. С. 222. ↩
6. Там же. С. 224—231. ↩
7. Это подробно описано, например, в книге Уильяма Манчестера «Оружие Круппа. История династии пушечных королей» (М., 1971). ↩
8. Поморин Ю., Юнге Р., Биманн Г. Указ.соч. С. 123—124. ↩
9. На русский переведена посвящённая этому книга Бернта Энгельмана «Большой федеральный крест за заслуги. История розыска нацистских преступников и их сообщников» (М., 1978). ↩
10. И любимчик наших неолибералов — см. восторженное, на грани оргазма, предисловие к его книге неких Б. Б. Багаряцкого и В. Г. Гребенникова: Эрхард Л. Благосостояние для всех. М., 1991. С. III—XVI. ↩
11. *Motståndsrörelse*. 1968, № 1, S. 21—28. ↩
12. Галкин А. А. Германский фашизм. М., 1967. С. 353, 358, 362. ↩
13. Ясперс К. Куда движется ФРГ? Факты.Опасности. Шансы. М., 1969. С. 69—70. ↩
14. См.: Гинзбург Л. В. Потусторонние встречи. М., 1990. С. 193—194. ↩
15. Бланк А. С. Старый и новый фашизм. Политико-социологический очерк. М., 1982. С. 176. ↩
16. См.: Адорно Т., Сэнфорд Р. Н., Френкель-Брюнсвик Э., Левинсон Д. Д. Исследование авторитарной личности. М., 2001; Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994; его же. Бегство от свободы. М., 1990;

его же. Психоанализ и этика. М., 1993; Райх В. Психология масс и фашизм. СПб., 1997; Маркузе Г. Одномерный человек. Исследование идеологии Развитого Индустриального Общества. М., 1994. ↩

17. Нашему читателю доступна переведённая на русский язык очень толковая статья К. Цирмана о тривиальной литературе ФРГ тех лет. См.: Массовая литература и кризис буржуазной идеологии Запада. М., 1974. С. 75—102. ↩
18. *Merkur*. 1973. Н. 2. S. 123. ↩
19. Нольте Э. Европейская гражданская война (1917—1945). Национал-социализм и большевизм. М., 2003. С. 496—498. ↩
20. Красочное описание этой болезни см.: Бобров В. А. ФРГ. Штрихи к портрету. М., 1978, глава «Лeverкузен, город будущего». ↩
21. *Motstandsroerelse*. 1968, № 1, s. 49. ↩
22. *Das Parlament*. 12.11.1958. ↩
23. Herrmann R. Die Schöffen in der Strafgerichten des kapitalistischen Deutschland. В., 1957. S. 133. ↩
24. *Monatsschrift für Deutsches Rechts*. 1965. Н. 11. S. 870—872. ↩
25. *Neue Justiz*. 1968, Nr 20. S. 630. ↩
26. *Neue Justiz*. 1963, Nr 9. S. 280. ↩
27. Майнхоф У. М. От протеста — к сопротивлению. Из литературного наследия городской партизанки. М., 2004. С. 38—43. ↩
28. Там же. С. 31—37. ↩
29. Там же. С. 56—60. ↩
30. См.: Ясперс К. Указ. соч. С. 28—39. ↩
31. Майнхоф У. М. Указ. соч. С. 113—131. ↩
32. См.: Кляйн Н. NO LOGO. Люди против брэндов. М., 2003. С. 170—172. ↩
33. Майнхоф У. М. Указ. соч. С. 141—145. ↩

34. См.: Маркос, субкоманданте. Другая революция. Сапатисты против нового мирового порядка. Б.м., 2002. С. 144—162. ↩
35. Майнхоф У. М. Указ. соч. С. 168—171. ↩
36. Там же. С. 172—180. ↩
37. *Книжное обозрение*. 2002. № 25—26. ↩
38. Там же. ↩